

Список литературы: 1. *В'язовський Г. А.* Творче мислення письменника. Дослідження. К., 1982. 335 с. 2. *Горький А. М.* Письмо в «Литературную газету» о М. Пришвине. — В кн.: *Пришвин М.* Собр. соч. В 6-ти т. М., 1956—1957, т. 4. 723 с. 3. *Горький М.* Собр. соч. В 30-ти т. М., 1949—1955, т. 24. 576 с. 4. *Ершов Г. А.* Михаил Пришвин. Жизнь и творчество. М., 1972. 192 с. 5. *Мейлах Б. С.* Талант писателя и процессы творчества. Л., 1969. 448 с. 6. *Познякова Н. А.* Искусство слова М. Пришвина. — В кн.: *Zeitschrift für slawistik.* Берлин, 1978, т. 4, кн. 23. 7. *Пришвин М. М.* О творческом поведении. М., 1969, 160 с. 8. *Пришвин М. М.* Собр. соч. В 6-ти т. М., 1956—1957, т. 1. 575 с.; т. 5. 735 с. 9. *Пришвин М. М.* Я встаю в предрассветный час. М., 1979. 239 с. 10. *Пришвина В. Д.* О Михаиле Михайловиче Пришвине. — В кн.: *Пришвин М. М.* Собр. соч. В 8-ти т. М., 1982. т. 1. 830 с. 11. *Сетин Ф. И.* От составителя. — В кн.: *Пришвин М. М.* О творческом поведении. М., 1969. 160 с. 12. *Хмельницкая Т. Ю.* Творчество Михаила Пришвина. Л., 1959. 284 с. 13. *Храпченко М. Б.* Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. М., 1972. 408 с. 14. *Veaujour M.* Miroirs d'encre: Rhétorique de l'autoportrait. — P.: Ed. du Seuil, 1980.

Статья поступила в редколлегию 04.01.84.

Ю. А. Гречанюк, преп.,
Черновицкий университет

Разоблачение украинского национализма и униатской церкви в памфлетах В. Беляева и Т. Мигаля

Борьбе с религиозными пережитками посвятили свое творчество многие советские писатели. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает разоблачение униатской церкви — гибрида воинствующего католицизма и православия. Эта тема нашла широкое отражение в творчестве украинских и русских мастеров пера, в частности, в творчестве наших современников — В. Беляева и Т. Мигаля.

Униатская, греко-католическая церковь, воплотившая в себе злоешие силы реакции, помогла представителям господствующих классов угнетать трудящихся западных областей Украины и Белоруссии, всеми силами продвигала воинствующий католицизм на восток. Она благословляла на террор и измену народу банды украинских буржуазных националистов, которые стали верными холоями гитлеровцев, палачами трудового народа.

Борьбе против современных апологетов униатской церкви, против украинских буржуазных националистов посвящены публицистические памфлеты лауреата Государственной премии СССР и премии имени Т. Г. Шевченко В. Беляева, который с честью продолжает «дело его павшего друга Ярослава Галана» [4, с. 3]. Эта же тема глубоко раскрыта в киносценариях «Иванна» и «До последней минуты». Известный украинский прозаик А. Хижняк пишет: «На наших глазах закалялся талант В. Беляева, вдумчивого художника, неутомимого исследователя жизни. Он рос в дружной литературной семье, в которой были Ярослав Галан,

Петро Козланюк, Кузьма Пелехатый, Петро Ингульский, Тарас Мигаль» [5, с. 5]. Идейным наставником, лидером в этой группе был Я. Галан. Именно у него учились и В. Беляев, и совсем молодой Т. Мигаль публицистическому мастерству. Начиная с первых послевоенных лет и до наших дней, писатели развенчивали преступную деятельность националистов и униатов-клерикалов, которые укрылись на помойках Западной Европы, нашли убежище на американском континенте.

Целью данной статьи является сопоставление идейно-тематической и художественной близости памфлетов В. Беляева и Т. Мигалья, определение их роли в современной идеологической борьбе.

В памфлетах В. Беляева ирония и сарказм способствуют сатирико-обличительному способу изображения. Писатель чаще всего прибегает к таким художественным сатирическим приемам, как литота, гипербола, гротеск. На эту особенность жанра указывает Л. Ершов: «Поскольку в памфлетном образе воплощаются отрицательные явления в своем концентрированном виде, в арсенале памфлетиста преобладают крайние средства сатирического заострения— гипербола и гротеск» [2, с. 162].

В экспозиции памфлета «Последнее сальто Серого» чувствуется ирония автора: «В дни молодости приехал учиться во Львов низинский попovich, задумавший стать «украинским Наполеоном» [1, с. 94]. По мере развития действия увеличивается степень сатирического изображения персонажа. Портрет бандита-авантюриста написан яркими сатирическими красками: «Наша власть должна быть страшной»,— записывает в одной инструкции этот карлик со слезящимися глазами, мечтающий стать диктатором захваченной гитлеровскими войсками Украины» [1, с. 100]. Показывая несоответствие между сущностью и притязаниями С. Бандеры, В. Беляев от иронии переходит к сарказму.

Писатель шаг за шагом показывает путь Бандеры, отмечая, что «начало карьеры было громким и кровавым» [1, с. 96]. Еще в юношеские годы, стремясь утвердить себя в кругах националистов, сын униатского священника ничем не гнушался. В. Беляев, показывая зловещие моменты из его жизни, подчеркивает деградацию этого человека: «Если в юности для того, чтобы «укрепить волю», Степан Бандера на глазах у своих сверстников давил на пари одной рукой кошек, то ... постепенно переносит свою практику на людей. Именно он изобрел пресловутую бандеровскую удавку— особой конструкции веревочную петлю, которой можно бесшумно задушить человека в любом положении» [1, с. 95].

Говоря об этом верховном предателе украинского народа, В. Беляев прибегает к сарказму, который сменяет иронию и становится более высокой степенью сатирического изображения: «Степан Бандера отдыхал после «трудов праведных» (убийства министра Польши Бронислава Перацкого.— Ю. Г.) в камерах тюрьмы» [1, с. 97]. Парадоксальность ситуации заключается в том, что писатель сопоставляет далекие по смыслу понятия и дос-

тигает высокого уровня сатирического обличения. В действительности так оно и было: Бандера именно отдыхал, ожидая войны гитлеровской Германии с Польшей, так как был уверен, что его абверовские хозяева не бросят преданного холуя на произвол судьбы. В благодарность за свое освобождение из заключения «украинский Наполеон» организовал печально известный легион «Нахтигаль». На кровавые дела националистических головорезов в гитлеровских мундирах благословил униатский митрополит А. Шептицкий. Тут и обнаруживается зловещий альянс католицизма, униатства и национализма с фашизмом, единство религии и насилия. Были забыты все заповеди, в том числе и «не убий».

Сатирическое обличение бандеровской своры усиливается метафорической оценкой — «гады... желто-голубой националистической породы» [1, с. 101]. Метафора приобретает признаки символа, когда автор придает качества хищников людям, замечая, что после сообщения о самоубийстве Бандеры его приверженцы «подняли вой» (подчеркнуто нами. — Ю. Г.) [1, с. 102].

На наш взгляд, понятие «сальто», которым характеризуется жизнь и деятельность предводителя националистов, носит символический характер, поскольку больше соответствует специальности циркача, нежели определяет качества политика. Поэтому и предстает перед нами сатирический, комический образ Бандеры как прожектера и бездарного дельца от политики.

В памфлетах «Загадка Вулецких холмов» и «Соловьи дальнего действия» В. Беляев, на основании богатого фактического материала, разоблачает злодеяния выпестованного Оберлендером и Бандерой легиона «Нахтигаль», на совести которого — погромы и грабежи, убийства и насилия.

Писатель определил антинародную сущность церкви, которая покровительствовала кровавым планам гитлеровцев, поощряла их исполнителей. А. Шептицкий знал заранее о тех акциях, которые готовили националисты, в частности о расправе над ведущими учеными и интеллигенцией Львова в 1941 г. Памфлет «Загадка Вулецких холмов» носит публицистический характер, а «Соловьи дальнего действия» — ярко выраженное произведение художественно-публицистического типа. Здесь В. Беляев говорит о предательском пути Ивана Гриньоха, сеявшего зерна духовного дурмана среди украинцев, которых везде «настигала черная тень крыльев питомцев Шептицкого» [1, с. 52].

К своему персонажу автор относится с глубоким презрением, но отмечает, что это враг коварный: к духовной карьере семинарист Гриньох готовился старательно и серьезно. Он «прилежно изучал богословие, это идеологическое обоснование поповщины и мракобесия... овладел иезуитской премудростью искусного проникновения в души верующих...» [1, с. 53]. Гриньох был священником в древнем Галиче, потом оказался в составе командования «Нахтигалья». Внешний вид его говорит о цинизме, с которым он относился к вере. Обращая внимание на несовместимые атрибуты в одежде священнослужителя, В. Беляев определяет пустопорожний характер разговоров о невмешательстве церкви в мирские дела: «На

его (Гриньоха.— Ю. Г.) плече — желто-голубая ленточка, на карде — герб националистов — трезубец, на петлицах — крестик, а у пояса, на пряжке которого выбиты слова «Готт мит унс!», висит в кобуре черный вальтер № 3...» [1, с. 54]. По всему видно, что униатский поп насаждал веру не только «словом божьим», но и силой оружия. Сарказм углубляется: «Шептицкий...по-отечески целует своего любимого воспитанника Ивана Гриньоха, и его эксценции никак не мешает при этом болтающийся на поясе капеллана тяжелый немецкий «Вальтер» [1, с. 54].

В. Беляев создал глубоко сатирический образ святоши. Писатель творит индивидуальный характер, и в то же время перед читателем — тип, вобравший в себя черты, свойственные большинству служителей униатской церкви, неразрывно связанных с гитлеровцами, с черными силами международной реакции. Автор прибегает к символам, несущим значительный сатирический заряд: в немецком языке «нахтигаль» имеет два значения — «соловей» и «ночная птица». Бандеровские головорезы были хищными ночными птицами, а не соловьями. Уже в заглавии слово «соловьи» употреблено в ироническом плане по аналогии с военным термином «бомбардировщики дальнего действия». Смысловая несовместимость этих понятий очевидна, вследствие чего чувствуется резкая авторская ирония: «... эти зловещие птицы из царства мрака, и по сегодняшней день продолжают ткать паутину лжи, обмана, новых провокаций, успешно соединяя в одном лице служение господу богу и мамоне» [1, с. 64].

К малоизвестным страницам истории писатель обратился в памфлете «Почему митрополит раввина спас?». В этом произведении он показал предательство верхушки еврейских общин, их провокационную сущность по отношению к своим соплеменникам в годы войны. Раввины проповедовали покорность гитлеровцам и тем самым «психологически готовили гибель тысяч людей» [1, с. 105]. Служа верой и правдой фашистам, разделяя их политику по отношению к евреям, Шептицкий все же спрятал у себя раввина Давида Кагане и сына главного раввина Львова Йццоха Левина. Причина, побудившая его это сделать, понятна: митрополит «хотел застраховать себя на случай изменения политической ситуации. ...Эти два спасенных... смогут засвидетельствовать, как был добр «князь церкви», и помогут забыть, сколько их собратьев было уничтожено с благословения митрополита головорезами из ОУН» [1, с. 115].

Обличительность памфлета в сарказме, особенно резко в эпизоде, рассказывающем о том, как раввин Давид Кагане и бывший гестаповец Вальтер Кучман сегодня ...«создадут миф о «добром, человеколюбивом спасителе евреев Андрее Шептицком» [1, с. 116]. В словосочетании «добрый, человеколюбивый спаситель» скрыт противоположный смысл, что и создает комизм несоответствия мифов действительности.

С памфлетами В. Беляева перекликаются произведения талантливого украинского сатирика и публициста Т. Мигаля, особенно «Міфи і дійсність» и «Із житія «блаженнішого» патріарха», со-

звучны упоминаючимся сочинениям русского писателя. Они оба используют сатиру в качестве средства изображения. Так, свое нетерпимое отношение к униатству они выражают почти аналогично. В. Беляев пишет: «черная тень крыльев питомцев Шептицкого», а Т. Мигаль — «чорне гайвороння з кубел униатської церкви» [3, с. 52]. В обоих случаях основным средством сатиры является один и тот же прием — метафора, которая приобретает качество символа.

В памфлете «Міфи і дійсність» создан образ князя униатской церкви А. Шептицкого, которого после смерти Ватикан пытался канонизировать. Характеристика митрополита — целый комплекс сатирических средств, переходящих от иронии к сарказму: «Сам папа Павло VI змушений був переглянути «лік святих» і вигнати із божої «академії безсмертних» кілька волоцюг та злодіїв, а тут на тобі — нового кандидата підсовують. Та ще якого! Інтригана над інтриганами!» [3, с. 53].

В памфлете ярко обрисован сатирический образ Ивана Гриньоха, близкого Шептицкому. Т. Мигаль, как и В. Беляев, обращает внимание на антинародную, предательскую сущность этого священнослужителя. Широка и разнообразна палитра образительных средств писателя. О называет капеллана Гриньоха «яничаром» «у вермахтівському мундирі», а «Нахтигаль» — «співцями загибелі» [3, с. 59].

Униатско-националистические славословы называют А. Шептицкого благодетелем, распространяют мифы о невоинственности греко-католической церкви. Чтобы убедить читателя в противоположном, Т. Мигаль прибегает к многочисленным фактам. Он, например, показывает, как в 1930 г. митрополит создал Украинскую католическую народную партию, объявившую «крестовый поход» против Советского Союза. Через несколько лет после этого были сформированы «Нахтигаль» и дивизия СС «Галичина». Униатская церковь благословляла свору украинских националистов на братоубийственную войну. Народная память не простит этих злодеяний — эта мысль является главной в памфлете Т. Мигалья «Із житія «блаженнішого» патріарха...», в котором особенно ярко выражены творческие традиции Я. Галана.

Т. Мигаль создал образы А. Шептицкого и его преемника И. Слепого. Прибегая к сатире, публицист обращается к описанию их внешности, атрибутов одежды и т. д. При этом ирония и насмешка становятся господствующими средствами изображения. Например, характеризуя кардинальский головной убор, писатель иронизирует: «Не якась там квочка, а дебела гуска, а то й індичка спокійно могли б у такому капелюсі висидіти добрячу сімейку — на все подвір'я» [3, с. 65]. Ирония усиливается гиперболой, когда сатирик пишет, что, подбирая кардиналов, папа применяет принцип унификации размера головы, чтобы заказать кардинальские шляпы оптом: «Хай у голові січка, «віють вітри, віють буйні», хай вона буде порожня, як бочка, хай зерно мислі не кильчиться в ній, але подавай відповідний розмір» [3, с. 65—66].

Таким образом, Т. Мигаль в памфлетах, направленных против

украинского буржуазного национализма и униатства, остросатирическими красками рисует образы предателей своего народа, освятивших «божьей лаской» крест и меч.

Объект сатирического обличения у В. Беляева и Т. Мигалья один. Это униатская церковь, которая покровительствовала украинским буржуазным националистам, благословляла их на кровавые преступления против трудового народа, была верным слугой гитлеровского фашизма. Писатели в публицистическом плане на основе ряда документов разоблачают альянс униатов и националистов с фашизмом и империализмом.

Следуя традициям Я. Галана, В. Беляев и Т. Мигаль поставили свое слово на службу идеалам коммунизма, встали в ряды идеологических борцов против темных сил международной реакции. Их произведения отличаются страстностью, боевитостью, аргументированностью доводов. Они являются мощным оружием против идеологии буржуазного национализма, фашизма и религиозного мракобесия.

Список литературы: 1. *Беляев В. Я обвиняю!* М., 1980. 160 с. 2. *Ершов Л.* Сатирические жанры русской советской литературы. Л., 1977. 282 с. 3. *Мигаль Т.* Страх перед правдою. Львів, 1978. 136 с. 4. *Смирнов С.* Юность борцов. — В кн.: Беляев В. Старая крепость. М., 1968. 726 с. 5. *Хижняк А.* Майстер бойової публіцистики. — В кн.: Беляев В. Останне сальто Сірого. Київ, 1981. 350 с.

Статья поступила в редколлегию 09.09.83
